

ФОНЕМЫ /ѣ/ и /ѡ/ в ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ (ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)¹

Д. М. САВИНОВ

В статье показано, что конститутивным признаком фонем /ѣ/ и /ѡ/ должно быть признано скольжение тембра от верхнего к среднему подъему (с постепенным нарастанием интенсивности). Семифонемная система вокализма может последовательно функционировать только при стабильном сохранении подобных дифтонгических образований. Фонетическая структура основных дифтонгов в соответствии с /ѣ/ и /ѡ/ обнаруживает полный параллелизм, что, во-первых, свидетельствует о дифтонгической природе гласного /ѣ/ в древнерусском языке; во-вторых, подтверждает мнение о том, что фонема /ѡ/ появилась как задний коррелят фонемы /ѣ/ в результате развития тенденции к симметризации структуры древнерусской фонологической системы.

Одной из наиболее ярких особенностей, характеризующей фонетические системы архаических русских говоров, является отличный от литературного языка набор гласных фонем: сохранение различия /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Сегодня семифонемный вокализм — реликтовая диалектная черта. Усиливающееся влияние литературной нормы, а также продуктивные тенденции языкового развития приводят к утверждению во многих локальных системах пятифонемного состава вокализма. Ареал говоров, сохраняющих наследие древнерусской эпохи — противопоставление /ѡ/ и /о/, /ѣ/ и /е/ не имеет достаточно четких очертаний, а сами архаические системы ударного вокализма обычно «встречаются только на разных ступенях деградации, в смешении с такими системами, где шестая и седьмая фонемы отсутствуют»².

¹ Работа выполнена в рамках госконтракта Министерства образования и науки РФ «Региональные системы русского языка в диахронии и синхронии (по данным письменных памятников и современных русских говоров)».

² *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // *Очерки по фонетике севернорусских говоров.* М., 1967. С. 14. Утрата /ѣ/ как особой фонологической единицы характерна для большинства славянских языков: «... фонема \ddot{e} /ѣ/, которая появилась в праславянский период в результате совпадения старого \bar{e} (> \ddot{e}^1) и дифтонга a^oi (> \ddot{e}^2), в разных праславянских диалектах отличалась исключительной фонетической нестойкостью и большим количеством артикуляционно-акустических особенностей, что стало причиной исчезновения этой фонемы в большинстве славянских языков и их говоров». *Півторак Г. П.* Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. Київ, 1988. С. 110.

Однако памятники письменности свидетельствуют о том, что большинство южнорусских диалектных систем имели в прошлом семифонемную модель вокализма; она отмечена в некоторых рукописях XVII века, имеющих рязанское, тульское, калужское, воронежское, елецкое происхождение³. На это же указывают и материалы современных говоров: так, более чем в половине текстов, приведенных в южнорусской звучащей хрестоматии⁴, представлен семифонемный вокализм или следы его бывшего существования⁵. Широкое распространение в южнорусском наречии /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ подтверждается также косвенными данными. Некоторые системы яканья, сочетающиеся с пятифонемным вокализмом, могут сохранять в 1-м предударном слоге противопоставление [и] ~ [а] перед ударными [о] и [е] в зависимости от их этимологии. И хотя появление в первом предударном слоге того или иного звукотипа уже не обусловлено качеством гласного под ударением, эта зависимость реализуется опосредованно, как модель произношения определенных слов или грамматических категорий, что характерно для некоторых типов диссимилятивного, умеренно-диссимилятивного, ассимилятивно-диссимилятивного и диссимилятивно-умеренного яканья.

В современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных, семифонемная система вокализма никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. «Характерной особенностью современного состояния говоров русского языка является почти полное отсутствие так называемых “чистых” систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора»⁶. Соотношение между частотностью и дистрибуцией подобных вариантов может быть различным, а их появление зависит как от экстралингвистических факторов, так и от факторов собственно языковых.

Противопоставление /ѣ/ ~ /е/, /ѡ/ ~ /о/, будучи оппозицией фонологической, должно обязательно *восприниматься* и достаточно последовательно *воспроизводиться*. В реестр фонем может быть включен только стабильный элемент языковой системы, когда предполагаемая фонема, будучи в составе определенных словоформ, в своей сильной позиции представлена звуком особого тембрального качества, отличного от реализации всех остальных фонем в тождественных позиционных условиях. Антропофоническое проявление тенденции к максимальной дифференциации фонем «заключается в требовании более чет-

³ Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963. С. 28–52; Сидоров В. Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969. С. 24–32; Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов. М., 2002. С. 200–201.

⁴ Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.

⁵ Касаткина Р. Ф. Южнорусское наречие. Новые данные // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 98.

⁶ Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 189.

кого произношения, воспроизведения именно тех физических характеристик, с помощью которых дифференцируются, различаются данные фонемы»⁷.

На наличие в говоре особых функциональных единиц /ѣ/ и /ω/ может указывать доступность их восприятия не только для собирателей, но и для отдельных диалектоносителей, которые способны заметить особенности фонологической системы своего говора, а также говоров окрестных деревень и выявлять значимые структурные различия между ними. Например, один из наших информантов, родившийся в с. Крутое Старооскольского р-на Белгородской обл., но многие годы проживший в селе Солдатское, расположенном всего в нескольких километрах от Крутого, обратил наше внимание на основное отличие между этими диалектными системами. По его словам, «в Солдатском говорят “мягко”: [к^оѣот], а в Крутом — “твёрдо”: [кот]». Дифтонгичность реализаций фонемы /ω/ в сочетании со значительной лабиализацией согласных перед ними, замеченные информантом в говоре жителей с. Солдатского, прямо указывают на хорошо сохранившуюся архаическую систему ударного вокализма, которая отсутствует в говоре жителей с. Крутое. Подобные примеры «имеют прямое отношение к восприятию носителями говоров языковых фактов на фонологическом уровне», а слова, иллюстрирующие характерные черты «своего» и «чужого» говоров, «приобретают вид как бы фонологических формул»⁸.

Специфика диалектных различий в структуре «трапециидов» гласных при semifонемной системе вокализма выявлена в известной статье С. С. Высотского⁹. Разновидности состава гласных представлены в этой работе с некоторой степенью условности и не исчерпывают того многообразия, которое обнаруживается при дальнейшем изучении архаических говоров. Они дают лишь общее представление о структурной сложности semifонемной системы, отражают функциональные связи и возможные способы распределения ее значимых элементов на синхронном уровне. Для диахронической интерпретации изменений, которые происходят в различных русских вокалических системах, необходимо комплексное исследование основных звукотипов, характерных для русского диалектного языка в целом и для южнорусского наречия в частности.

Анализ образцов диалектной речи свидетельствует о высокой вариативности характеристик гласных, реализующих /ѣ/ и /ω/, что может выражаться, во-первых, в изменении их формантных областей, во-вторых, в различных соотношениях между компонентами неоднородных вокальных образований — дифтонгов или дифтонгоидов. Появление этих вариантов может быть обусловлено комбинаторным воздействием фонетического контекста (место образования или мягкость / твердость соседнего согласного), фразовой позицией, особенностями артикуляционной базы говора, а также сосуществованием в пределах одного говора нескольких фонологических подсистем.

⁷ Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М., 1986. С. 155–156.

⁸ Высотский С. С. Фонемный состав слова как основа для изучения звукового строя говора // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии / Отв. ред. С. С. Высотский. М., 1977. С. 14.

⁹ Высотский С. С. Определение состава гласных... С. 5–82.

1. Данные большинства архаических систем вокализма свидетельствуют о том, что основными реализациями фонем /ѣ/ и /ѡ/ в южнорусских говорах должны быть признаны восходящие дифтонги [иѣ] и [уѡ]: б[’иѣ]дно, д[’иѣ]душка, д[’иѣ]лалли, у с[’иѣ]нцах; об[’уѡ]рки, зах[’уѡ]дишь, за ст[’уѡ]л, скул[’уѡ] (‘часть печи’) и др. Передний дифтонг обычно произносится после мягких и перед твердыми согласными, а также на конце слова. Среднее значение \bar{F}_1 первой части дифтонгов типа [иѣ] составляет 390–470 Гц, второй части — 520–600 Гц; среднее значение F_2 первой части — 2300–3000 Гц, второй части — 1900–2700 Гц; то есть второй компонент этого гласного образования всегда характеризуется сближением зон наибольшей концентрации энергии.

Дифтонги типа [уѡ] с последовательным понижением подъема гласного образования и незначительным изменением по ряду обычно произносятся на месте фонемы /ѡ/ после твердого и перед твердым согласными, а также на конце слова. Среднее значение \bar{F}_1 первой части этих дифтонгов составляет 430–500 Гц, среднее значение F_2 — 760–920 Гц. Зачастую формантная структура начального у-образного элемента характеризуется «одновершинностью», слиянием \bar{F}_1 и F_2 в области 470–650 Гц, что отражает сильную степень его лабиализации. Средние значения \bar{F}_1 и F_2 второй части дифтонга составляют 540–700 Гц и 1000–1400 Гц соответственно; этот элемент обычно локализуется в зоне среднего или средне-нижнего подъема и заднего или средне-заднего ряда (при наличии следующего твердого согласного), при этом степень упрежденности последней фазы дифтонга прямо пропорциональна уровню понижения ее подъема. Дифтонг [уѡ] всегда характеризуется максимальной сближением зон наибольшей концентрации энергии в первой части и их значительной удаленностью во второй.

Первые компоненты дифтонгов [иѣ] и [уѡ] обычно не отличаются ни по слуховому впечатлению, ни по формантным характеристикам от аллофонов фонем /и/ и /у/. При этом значения \bar{F}_1 начальной фазы дифтонга [уѡ] несколько превышают аналогичные значения дифтонга [иѣ], что отражает соответствующие отношения между основными реализациями фонем /у/ и /и/ (эта особенность связана с известной асимметричностью «трапецоида» гласных, обусловленной особенностями «строения ротовой полости и возможности движений языка»¹⁰).

Последняя фаза дифтонгов на месте /ѣ/ и /ѡ/ также не отличается от характерной части монофтонгов, реализующих фонемы /е/ и /о/. Данные говоров различной локализации свидетельствуют о том, что звукотип средне-нижнего подъема [ѡ] на месте /о/ широко распространен во всех архаических диалектных системах, различающих под ударением семь гласных фонем, что, по всей видимости, обусловлено особенностями исторического развития¹¹; однако гласный средне-нижнего подъема [ѣ] в соответствии с фонемой /е/ — довольно редкая диалектная черта. Система с гласными 2-й ступени подъема, локализованными в средне-нижней зоне, встречается «как малоустойчивый тип вокализма ... обычно при наличии в других слоях говора еще иных, менее сложных типов вокализма»¹².

¹⁰ Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 33.

¹¹ Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983. С. 35–36.

¹² Высокский С. С. Определение состава гласных... С. 79.

Данная особенность, по-видимому, также обусловлена спецификой артикуляционного пространства: при наличии «одинакового числа фонем в передней и задней сериях зоны безопасности оказываются уже в задней области, чем в передней, и этим частично объясняются различия в поведении этих двух серий»¹³.

Несимметричность по уровню подъема, свойственная основным реализациям /e/ и /o/, характерна и для вторых компонентов соответствующих дифтонгов; приблизительно в половине случаев дифтонг на месте фонемы /ω/ завершается гласным средне-нижнего подъема [ɔ]. В том случае, если в говоре в соответствии с фонемой /e/ отмечено произношение звука [ɛ], последняя фаза дифтонга [ӣε] также может локализоваться в средне-нижней зоне, что зафиксировано, например, в селах Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл. и Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.: *оболб[’ӣε]ла* (*оболбѣть* ‘остолбенеть’), *д[’ӣε]-ти*, *из л[’ӣε]са*, *гор[’ӣε]ла*.

Скольжение тембра гласных образований [ӣε] и [ӯо] происходит за счет постепенного понижения подъема с плавным нарастанием интенсивности. Их начальные *и*-образный и *у*-образный участки, как правило, составляют не менее половины общей длительности дифтонга, подобное количественное соотношение между фазами дифтонгов на месте /ѣ/ и /ω/ можно признать характерной чертой архаических южнорусских говоров¹⁴; при этом максимум интенсивности приходится на второй элемент звукового комплекса, что и создает его слоговость. Таким образом, в большинстве южнорусских диалектных систем неоднородный гласный, реализующий фонемы /ѣ/ и /ω/, характеризуется восходящей силовой структурой, а также сильноконечным образованием.

Отмеченная архаическая особенность отличается относительной неустойчивостью и принадлежит к быстро деградирующим чертам русских диалектов. Во-первых, гласные образования на месте /ѣ/ и /ω/ могут иметь не один, а два пика концентрации силы, что характерно для истинных (или равновесных) дифтонгов. Во-вторых, они могут отличаться резким возрастанием интенсивности в начальных сегментах гласного и дальнейшим поддержанием высокого уровня на всем протяжении его звучания, что обычно свойственно аллофонам /e/ и /o/. Смена локализации силовой вершины дифтонга обуславливает значительное увеличение фонетической выраженности его первого компонента.

Нарушение динамической структуры звукового комплекса нередко сочетается с изменением его тембральных свойств, а также модификацией слоговой структуры фонетического слова. Например, истинные дифтонги, репрезентующие фонему /ω/, могут иметь в своем составе элементы, которые отличаются друг от друга не уровнем подъема, а степенью продвинутости: [э̄о], [э̄о̄]; эти сложные гласные, как правило, отмечаются в позиции после переднеязычных согласных (*нар[э̄о]д*, *пот[э̄о]п*, *белгор[э̄о̄]дская*).

Кроме того, истинный дифтонг представляет собой уже не целостный звуковой комплекс, составляющий один слог, а сочетание двух отдельных слоговых гласных. Хиатус, возникший внутри морфемы, в дальнейшем устраняется либо

¹³ Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. С. 132.

¹⁴ Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. С. 380.

за счет консонантизации первой части дифтонга (*o*[xwó]ма, [kwo]нь)¹⁵, либо за счет появления между его частями эпентетического неслогового сегмента — краткого неопределенного по тембру глайда, что отражает тенденцию к закреплению в этой позиции слоговой границы. Все эти факты свидетельствуют об общей деградации старой системы дифтонгов.

2. Особенно часто звуковые комплексы, наиболее полно представляющие шкалу последовательной смены ступеней подъема, отмечаются в сильной фразовой позиции: при выделенности слова. Под влиянием ритмико-просодических условий неоднородные гласные на месте /ɤ/ и /ω/ получают большее растяжение и становятся полифтонгами типа [й̄е̄] или [ӯо̄] (*л*[’й̄е̄]су, *карт*[ӯо̄]шку), последний наиболее открытый участок которых обычно образуется в зоне средне-нижнего подъема. В некоторых южнорусских говорах происходят еще более значительные тембральные изменения ударных гласных, что также связано со значительным просодическим выделением слова и обычно фиксируется в конце речевого периода в позиции ауслата. В этом случае звуковые комплексы, реализующие фонемы /ω/ и /ɤ/, могут достигать в завершающей части *a*-образного тембра иногда с оттенком редукции в последних фазах гласного: *ведр*[’й̄за], *молок*[ӯо̄а]; при этом *a*-образная часть обычно произносится с более ослабленной артикуляцией, чем предыдущие *э*-образный и *о*-образный сегменты, на которые и приходится силовая вершина соответствующего полифтонга.

Значительное изменение ряда у гласных образований, реализующих фонему /ω/, отмечает в среднерусском окающем говоре с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. А. В. Тер-Аванесова. Она пишет: «Фонема /уо/ представлена восходящими дифтонгами типа [ӯо] с варьирующейся длительностью *у*-образного элемента, причем одновременно с понижением подъема к концу звучания происходит также продвижение гласного в средний ряд и даже утрата огубленности, так что “дифтонг” нередко оканчивается звуком типа “шва”: [уо̄]»¹⁶.

В южнорусских говорах заметное продвижение по ряду звуковых комплексов, реализующих фонему /ω/, обычно возможно в двух случаях. Во-первых, как результат значительного растяжения гласного под влиянием фразового контекста, что было описано выше. Во-вторых, как комбинаторное изменение, способствующее приспособлению артикуляции конечного элемента гласного к артикуляции следующего за ним мягкого согласного или [й̄]. В этом слу-

¹⁵ Аналогичная модель монофтонгизации представлена и в некоторых северных по происхождению украинских (речь идет об украинских говорах Воронежской области, которые являются северными по своему происхождению, так что запятые не нужны) говорах Воронежской обл., долгое время развивавшихся в отрыве от материнских диалектов. Формы *Двен* ‘Дон’, *квень* ‘конь’, *свель*, *свиль* и *свилъ* ‘соль’, *снвеп* ‘сноп’, *ствел* ‘стол’ (см. *Бескровный А. М.* Из истории образования переходного украинско-русского диалекта в Воронежской области // *Мат-лы и исслед. по русской диалектологии*. Т. 2. М.; Л., 1949. С. 317; *Авдеева М. Т.* Словарь украинских говоров Воронежской области. Т. 2. Воронеж, 2012. С. 194, 195, 215) представляют рефлексы дифтонгов [ye], [yi], [ȳi], широко распространенных в полесских говорах на месте **o* в новом закрытом слоге. *Бевзенко С. П.* Украинська діалектологія. Київ, 1980. С. 45.

¹⁶ *Тер-Аванесова А. В.* Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // *Русский язык в научном освещении*. 2001. № 1 (3). С. 151.

чае последняя фаза полифтонга образуется в зоне среднего, передне-среднего или даже переднего ряда: значение F_2 может достигать 1800–2100 Гц. В качестве примера можно привести следующие формы, записанные в различных архаических системах: *засл[уѡѣ]нь* ‘печная заслонка’, *нак[уѡѣ]сють, к вор[уѡѣ]нькинѣм* (фамилия), *кол[уѡѣ]тють, прих[уѣ]дя, ув[уѡе]дють, на друг[уѣѣ]й, сх[уѣ]дють* и др. Наиболее открытые передние гласные в рекурсии полифтонгов на месте /ѡ/ отмечаются в тех южнорусских системах, где основной аллофон фонемы /о/ локализуется в зоне средне-заднего ряда средне-нижнего подъема и имеет слабую лабиализацию (значение F_1 может достигать 750 Гц, F_2 — 1400 Гц), что характерно, например, для говоров Кирейкова Ульяновского р-на Калужской обл. и Отсочного Хлевенского р-на Липецкой обл.

3. Иногда фонемы /ѡ/ и /ѣ/ реализуются дифтонгоидами [уѡ] и [иѣ] с незначительным изменением тембра: *на бол[уѡ]те, б[уѡ]льше, наг[уѡ]ю, м[уѡ]й, б[иѣ]лим, б[иѣ]гать* и др.; их у-образная и и-образная части обычно не превышают 30% общей длительности звука, на слух эти гласные воспринимаются как монофтонги средне-верхнего подъема. Подобные дифтонгоиды с неконтрастным противопоставлением частей, одна из которых значительно преобладает над другой, представляют собой переходные звукотипы и появляются в результате постепенной монофтонгизации соответствующих дифтонгов.

Этот процесс протекает с разной степенью интенсивности во многих архаических южнорусских говорах. Практически в любой вокалической системе фонемы /ѡ/ и /ѣ/ могут реализоваться не только дифтонгами, но и различными монофтонгами, особенно часто однородные гласные фиксируются в безакцентных участках высказывания, при отсутствии выделенности слова. Кроме того, гласный, реализующий фонему /ѣ/ между мягкими согласными, имеет тенденцию к повышению уровня образования; не случайно в некоторых диалектных системах в указанном положении произносится исключительно звук верхне-среднего подъема [ѣ], что может быть характерно как для сильной, так и для слабой фразовых позиций. Эта особенность особенно ярко проявляется при наличии в говоре упрежденной артикуляционной базы.

Последовательное развитие процесса монофтонгизация дифтонгов на месте /ѣ/ и /ѡ/, как правило, приводит к деградации семифонемной системы вокализма. Поскольку фонемы как верхне-среднего, так и среднего подъема воплощаются в монофтонгах, их зоны рассеивания значительно сокращаются. Это требует более сильного напряжения речевого аппарата при произнесении соответствующих аллофонов, что входит в противоречие с развивающейся в большинстве южнорусских говоров тенденции к уменьшению напряженности артикуляционной базы¹⁷. В результате происходит наложение зон рассеивания /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/, то есть начинается постепенный переход к системе вокализма, различающей три степени подъема.

Однако даже при наличии в диалектной системе всего пяти гласных фонем, в сильных (чаще — в «гиперсильных») фразовых позициях могут сохраняться следы прежнего распространения семифонемной системы вокализма: произно-

¹⁷ Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика... С. 131–139.

шение на месте этимологических фонем /ѣ/ и /ѡ/ «полноценных» дифтонгов [иѣ] и [ѡѡ]. Подобная особенность характерна, например, для курских говоров: по материалам Н. А. Волковой, «дифтонгический след» этимологических фонем верхне-среднего подъема «встречается по всей Курской области довольно часто в широкоупотребительной бытовой лексике <...> преимущественно при эмфатическом произношении»: *рабуѡтал'и, харашиѡѡ, т'ижалѡѡ, н'иѣту, л'иѣтам, хл'иѣба* и др.¹⁸

В ряде диалектологических работ утверждается, что для некоторых архаических южнорусских систем в соответствии с фонемами /ѣ/ и /ѡ/ характерно исключительное употребление монофтонгов верхне-среднего подъема [ѣ] и [ѡ]. Так, Е. С. Клейменова отмечает в говоре с. Кирейково на месте /ѣ/ и /ѡ/ «особые закрытые напряженные звуки [ѣ̣] и [ѡ̣]», но одновременно пишет о полном отсутствии в этой позиции дифтонга [ѡѡ] при единичных случаях появления дифтонга [иѣ]¹⁹. По данным Ю. Т. Листровой, в говоре с. Отскочное «в единичных случаях отмечены пережитки *о* закрытого (под старым восходящим ударением) и *е* закрытого (на месте старого **ятя**): *кѡт, пѡт, сарѡка, снѣх, пѣт'* и т.д.», при этом в соседнем с. Воробьевка «наряду с *о* и *е* закрытыми произносятся <...> дифтонги (*пиѣли, снѣх*)»²⁰.

Однако магнитофонные записи диалектной речи, сделанные в этих населенных пунктах, свидетельствуют о том, что дифтонги и более сложные звуковые комплексы на месте /ѣ/ и /ѡ/ характерны как для говора с. Кирейково, так и для говора с. Отскочное. Указание на бытование в диалектной системе с семью гласными фонемами (или со следами их бывшего различия) «пар дифтонгов *ѡѡ, иѣ* и пар монофтонгов *ѡ, е* более соответствует реальному положению дел, чем категорическое утверждение, что говору свойственно употребление лишь какой-то ограниченной комбинации»²¹.

4. Противопоставление монофтонгов на месте фонем /ѣ/ и /ѣ/, /ѡ/ и /ѡ/ может последовательно проводиться лишь в тех говорах, которые сохраняют напряженную артикуляционную базу. Ранее зависимость между высокой степенью напряженности артикуляции и стабильным сохранением семифонемного вокализма была описана для некоторых севернорусских говоров Вологодской и Кировской областей²²; подобная особенность отмечена также в говоре Кирейкова Ульяновского р-на Калужской обл.

¹⁸ Волкова Н. А. Фонетика говоров Посемья. История и современное состояние. Череповец, 2003. С. 61–67.

¹⁹ Клейменова Е. С. Говоры южной части Калужской обл. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1956. С. 62, 87.

²⁰ Листрова Ю. Т. К изучению курско-орловского диалекта (говор с. Отскочного Дмитрияшевского р-на Липецкой обл.) // Уч. зап. Кипиневского гос. пед. ин-та. Т. 4 (серия гуманитар. наук). Кипинев, 1955. С. 200.

²¹ Высокский С. С. Определение состава гласных... С. 15.

²² Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина [Приложение №1 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Москва — Бохум, 1991. С. 210–215.

В 1956 году Е. С. Клейменова отметила в местной диалектной системе «факты употребления особых закрытых напряженных звуков *ê* и *ô*», она приводит следующие примеры: *двор̂, кот̂, балота̂, салота̂, многа̂, прамалот̂, акно̂, уолай̂, у гарот̂* (=в огород), *сл'аной̂ старух'и, с'им'анбу̂, п'аро̂; д'ела̂, н'ив'еста̂, ст'енка̂, жехат̂, ч'илав'ек̂, скв'ерна̂, р'етка̂, да св'ету̂, на м'ит'ел'и, м'ед'и, м'ес'ицау̂, св'еш'ку, р'ежы̂*²³. Материал, собранный в 2009 году, свидетельствует о том, что в говоре с. Кирейково и сегодня представлена достаточно последовательно выдержанная семифонемная система вокализма. Основными аллофонами фонем средне-верхнего подъема должны быть признаны монофтонги [e] для /ʁ/, [ɔ] для /ω/, эти звуки, наряду с дифтонгами и дифтонгоидами, отмечаются как в сильной, так и слабой фразовых позициях: *хл[ʔ]ба, д[ʔ]д, м[ʔ]ста, сн[ʔ]г-то, об в[ʔ]тку, не пов[ʔ]рите, д[ʔ]лать, не зар[ʔ]зали, б[ʔ]женцы, с[ʔ]яли, нас[ʔ]яно, отд[ʔ]льно, загн[ʔ]тка, жел[ʔ]зной, понед[ʔ]льник, сос[ʔ]дки; к[ʔ]нчил, к[ʔ]сишь, не п[ʔ]мню, не х[ʔ]четь, вор[ʔ]чала, по в[ʔ]семьдесят, н[ʔ]ви-ков, на лад[ʔ]нь, раб[ʔ]ты, за ст[ʔ]л, на дв[ʔ]р, кор[ʔ]вам, хор[ʔ]шие, похор[ʔ]нен, помол[ʔ]же, под[ʔ]ить, стан[ʔ]вють, лут[ʔ]шки* ('куски липовой коры, лыка'), *об[ʔ]рками* и многие др. По данным спектрального анализа, основные аллофоны соответствующей пары имеют симметричный уровень подъема: среднее значение F₁ у этих гласных составляет 450–560 Гц для [ɔ], 430–540 Гц для [e].

Результаты сравнения данных 1956 и 2009 гг. указывают на то, что процесс монофтонгизации дифтонгов, реализующих /ʁ/ и /ω/, протекает в говоре жителей с. Кирейкова на протяжении длительного времени, однако он не привел к общей деградации семифонемной системы вокализма, что свойственно многим другим русским вокалическим системам. Этот факт обусловлен одной отличительной особенностью говора: наличием более напряженной артикуляционной базы, что проявляется в некоторых звеньях местной фонетической системы. Во-первых, здесь функционируют апикальные переднеязычные согласные *т, д, н, л*, которым свойственна бóльшая напряженность, чем дорсальным²⁴. И хотя сегодня в речи жителей Кирейкова отмечаются лишь следы апикальной артикуляции переднеязычных (более последовательно — у представителей старшей возрастной группы), очевидно, что еще в недалеком прошлом апикальные согласные были широко распространены в местных говорах.

Во-вторых, с высокой степенью напряженности произносятся глухие согласные: **а)** заднеязычный взрывной согласный *к*, что приводит к его спирализации: *к'ос'им, палатк'и* (=платки), *за кэдк'оо* (=за какой), *всток'иее* (=востоке) *каез'ел'ск', патамлоо'к'*; **б)** некоторые другие взрывные согласные на конце слова (на это указывает появление гласного пазвука или *придыхания*): *пэт°* (под 'нижняя поверхность в печной топке'), *малакэзавот°*, *прайдют°*, *н'и ч'ис'т'ит°*, *нэкрэвайт°*, *вот^h*; **в)** переднеязычный фрикативный *с*, что иногда

²³ Клейменова Е. С. Указ. соч. С. 62, 86.

²⁴ Кузнецова А. М. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости–мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров / Отв. ред. С. С. Высотский. М., 1969. С. 59–60. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика... С. 136–137.

приводит к его аффрикатизации: *цаб'иё, ц вэраб'јоѡк'и, цвад'ба*²⁵. Кроме того, повышение интенсивности и напряжения некоторых звонких согласных в анлауте приводит к их оглушению перед гласными или сонорными: *с тл'инэм'и, снаиши, т'ён'ишик'и* (=денежки), *хорлушкэ*.

Наконец, при значительной степени напряжения произносятся и гласные, что отмечается не только в слоге под ударением, но также в 1-м предупредительном и в заударном конечном слогах. В частности, об этом свидетельствует появление в описанных позициях неоднородных звуков: долгих двумерных гласных, а также дифтонгов и полифтонгов, произношение которых требует более сложной работы артикулирующих органов, чем произношение монофтонгов за то же время. Как известно, расщепление «напряженных гласных на два компонента является типичным источником дифтонгов»²⁶.

Сохранению последовательного противопоставления фонем /ѡ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/ в местном говоре также способствуют, во-первых, наличие звукотипов [ε] и [ɔ] на месте /е/ и /о/, что поддерживает значительный контраст между гласными 2-й и 3-й ступеней подъема, во-вторых, сочетаемость фонем /ѡ/ и /е/ с согласными различного фонологического качества: /С'ѡ/ и /Се/: *б[ʲ]ѣ]женцы, об в[ʲ]ѣ]тку, понед[ʲ]ѣ]льник, за т[ʲ]ѣ]м, тар[ʲ]ѣ]лку-ту, загн[ʲ]ѣ]тка, но н[ѣ]чка, в[ѣ]чером, д[ѣ]ньги, ст[ѣ]лешь, накр[ѣ]ишишь* (=накроишь), *жн[ѣ]вка*.

5. Фонема /ѡ/ может употребляться не только после твердых, но и после мягких согласных, а также после отвердевших шипящих. Эти случаи, как правило, отмечаются в суффиксах и флексиях и «могут быть объяснены как явившиеся по аналогии»: *плеч'ѡ/, бель/јѡ/* (как *сел'ѡ/*), *горяч'ѡ/, хорош'ѡ/* (как *тепл'ѡ/*)²⁷, *селезн'ѡ/в, вороб'јѡ/в* (как *петр'ѡ/в*), *земл'ѡ/й, семь/јѡ/й* (как *сестр'ѡ/й*), *на ч'ѡ/м* (как *на т'ѡ/м*) и т.д.²⁸. Эта особенность не ограничивается только суффиксами и окончаниями, а распространяется также и на некоторые корни: *т'ѡ/тка*²⁹, *т'ѡ/пло, б'ѡ/рдо*. Первые две формы широко распространены не только в южнорусских (калужских, рязанских, липецких, воронежских, тамбовских), но и в севернорусских говорах. Форма *б'ѡ/рдо* (бёрдо) зафиксирована только в говоре жителей с. Кирейково и не подтверждается другими материалами.

²⁵ Эти формы можно рассматривать и как гиперкорректные, появившиеся в результате отхода от соканья.

²⁶ Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001. С. 430.

²⁷ Форма *вс'ѡ/*, возможно, также появилась под влиянием подобных примеров с /ѡ/ в ауслaute. С. В. Бромлей считает, что источником аналогии в данном случае стало произношение *т/ѡ/* (Бромлей С. В. Наблюдения над ударяемыми гласными при собирании материалов по «Программе» // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка. Вып. 5. М.-Л., 1949. С. 42). Однако наличие фонемы /ѡ/ в местоимении *то* характерно далеко не для всех русских говоров.

²⁸ Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII вв. К вопросу о происхождении звука *о* в великорусском наречии [Сб. по рус. языку и словесности. Т. I. Вып. 2]. Л., 1929. С. 23.

²⁹ По мнению А. В. Тер-Аванесовой, появление /ѡ/ на месте **е* в форме *т'ѡ/тка* объясняется «влиянием типа *водка*». Тер-Аванесова А. В. Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. 3 (9) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 84.

Вопрос о вариациях дифтонга [ȳo], обусловленных мягкостью предшествующего согласного, по словам С. С. Высотского, остается одним из самых мало-разработанных³⁰. В южнорусских говорах /ѡ/ после мягких согласных так же, как и после твердых, реализуется восходящим дифтонгом (или полифтонгом), но в отличие от «классического вида» имеет в экскурсии короткую переходную фазу с тембром переднего гласного, за которым сначала следует упережденная ȳ-образная часть с низким уровнем лабиализации ($F_2 = 1200\text{--}1400$ Гц), а затем o-образная часть, образующаяся в зоне среднего или средне-нижнего подъема (типа [ȳo] или [ȳō]): *m*[^нȳw̄ō]*тк*у, *плеч*[^нȳō], *моч*[^нȳō]ю.

Описанная особенность, то есть наличие после мягких согласных на месте /ѡ/ гласных образований, адекватных по уровням подъема соответствующим звукотипам после парных твердых согласных, характерна далеко не для всех архаических южнорусских систем. Например, в говоре жителей с. Веретье Острогского р-на Воронежской обл. после мягких согласных как в соответствии с /ѡ/, так и в соответствии с /о/ фиксируется гласный среднего подъема [ʔo] с небольшим и-образным начальным элементом, что свойственно и литературному языку. Наличие этого единого звукотипа в позиции после мягких согласных указывает на общую низкую значимость в местной диалектной системе фонологической оппозиции /ѡ/ ~ /о/.

6. Употребление особых реализаций /ѣ/ после твердых согласных обычно представлено либо во флексиях типа *на конц*/ѣ/, *при отц*/ѣ/, *в шалаш*/ѣ/, *в душ*/ѣ/³¹, либо в корнях: *ц*/ѣ/*ль*й, *ц*/ѣ/*в*ка, *ц*/ѣ/*п*, *ц*/ѣ/*н*ы. В некоторых южнорусских говорах с симифонемной системой вокализма в этой позиции произносятся различные дифтонги (и более сложные гласные образования), а также монофтонги верхне-среднего подъема, несколько отодвинутые в сторону передне-среднего ряда: *ц*[ȳэ̄]*ль*й, *ц*[ȳэ̄]*п*, *ц*[ȳэ̄]*в*ку, *ц*[ȳэ̄]*в*ка, *ц*[ȳэ̄]*л*ы и др.

Наличие особых аллофонов фонемы /ѣ/ после отвердевших шипящих и [ц], отличающихся от аллофонов /е/ (*ц*[ȳэ̄]*в*ка, но *ц*[é]*р*ква), можно признать архаической диалектной чертой, которая исключительно важна для фонологической интерпретации звукотипов на месте исконных *ѣ и *е. Различение этих гласных в положении после согласных, внепарных по твердости / мягкости, «позволяет говорить о противопоставлении в говорах <ѣ> и <е>»³².

Однако во многих южнорусских говорах, сохраняющих особые реализации фонем верхне-среднего и среднего подъема, в положении после отвердевших согласных происходит совпадение /ѣ/ и /е/ в монофтонге типа [э] или [ε]. Подобная особенность характерна для липецко-воронежского диалектного ареала. Например, в с. Стадница и с. Кондрашовка Семилукского р-на Воронежской обл. в этой позиции встречается однородный гласный «средненижнего подъе-

³⁰ Высотский С. С. Определение состава гласных... С. 26.

³¹ Кроме тех говоров, в которых распространены формы типа *на конц*[ы], *при отц*[ы], *в шалаш*[ы], *в душ*[ы], *на конц*[у], *при отц*[у] и т. д.

³² Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика... С. 396.

ма [e] с макс. F_1 — 640 гц <...> (цех, ц ен, жеч')»³³. Монофтонг [э] на месте /ѣ/ отмечен и в с. Верхняя Колыбелка Хлевенского р-на Липецкой обл.: *цѣвка*.

7. В исследованиях некоторых диалектологов содержится указание на то, что фонема /ω/ в ряде южнорусских систем может реализовываться не только восходящими дифтонгами типа [y̆o], но и нисходящими дифтонгами типа [ŏy]. Например, З. В. Жуковская приводит следующие примеры, записанные в нижедневицких говорах: *но̆ужык*, *ко̆ужын*, *ско̆ул' нада*, *по̆ут* ('часть печи'), *т'о̆утка*³⁴. Е. С. Клейменова зафиксировала в говорах жителей с. Кирейкова и с. Верхней Передели Ульяновского р-на Калужской обл. формы: *удо̆ьбна*, *даро̆ьга*, *хво̆ьс*³⁵.

Инструментальный анализ дифтонгов, реализующих /ω/ в южнорусских говорах различной локализации, противоречит наблюдениям упомянутых выше авторов: эта фонема всегда представлена открывающимися звуковыми комплексами (дифтонгами и полифтонгами) с восходящей силой звука. Пик интенсивности этих дифтонгических образований никогда не соприкасается с их абсолютной границей, однако последняя фаза гласного произносится со значительно ослабленной артикуляцией и обычно образуется на том же или более низком уровне подъема, что и его слоговая часть. Изредка в позиции ауслаута возможно некоторое повышение подъема гласного в рекурсии, однако оно незначительно и практически не воспринимается на слух.

Кроме того, перед аллофонами фонемы /ω/ произносятся согласные со значительной степенью лабиализации, что особенно заметно у губных и заднеязычных согласных: *к'о̆ут*, но *к'зы*, *граб'оты*, но *бх* и т. д. Подобная сочетаемость, как правило, способствует восприятию гласного образования на месте /ω/ как дифтонга [y̆o] при возможной незначительной у-образной фазе в его экскурсии. Описанная ситуация характерна, например, для говора жителей с. Солдатское, где перед гласным [o], реализующим в большинстве случаев фонему /ω/, произносится сильно лабиализованный согласный, что создает на перцептивном уровне отсутствие контраста между этим монофтонгом и дифтонгическими образованиями типа [y̆o] на месте /ω/, но противопоставляет эти гласные аллофонам фонемы /o/.

Очевидно, что говоры, для которых характерен дифтонгический переход между гласным и согласным типа *С'yŏ*, представляют собой более архаичные системы по сравнению с теми, в которых дифтонгический переход выражен слабее, а тембровая окраска первых фаз гласного создается исключительно за счет сильной лабиализации предшествующего согласного: *С'o*; это же верно и относительно пары *С'iĕ* и *С'e*. Изменение *С'yŏ* → *С'o* и *С'iĕ* → *С'e* демонстрирует переход от силлабем, то есть нерасчлененных сочетаний согласного с последующим гласным, к отдельным фонологическим единицам, составляющим слог, где определяющую роль играют консонантные элементы³⁶.

³³ Фомина Т. Г. К вопросу о качестве гласных фонем <e>, <o> в одном южнорусском говоре (на основе экспериментальных данных) // Материалы по русско-славянскому языкознанию / Науч. ред. В. И. Собинникова. Воронеж, 1982. С. 147.

³⁴ Жуковская З. В. Говоры западной части Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. С. 65.

³⁵ Клейменова Е. С. Указ. соч. С. 63.

³⁶ По мнению Р. И. Аванесова, эпоха силлабем была промежуточной, переходной от эпо-

8. Итак, фонетическая структура основных дифтонгических реализаций фонем /ѣ/ и /ѡ/ обнаруживает полный параллелизм как в тембральных характеристиках их частей (при возможной несимметричности последних фаз, что было описано выше), так и в структуре распределения силы звука; подобное соотношение основных аллофонов /ѣ/ и /ѡ/ характерно и для некоторых архаических севернорусских говоров³⁷. Таким образом, скольжение тембра от верхнего к среднему подъему (с постепенным нарастанием интенсивности) может быть признано конститутивным признаком фонем /ѣ/ и /ѡ/.

Фонемы /ѣ/ и /ѡ/ отличаются от соответствующей пары /е/ и /о/ не только дифтонгичностью или уровнем подъема своих основных аллофонов, но и качеством предшествующего согласного: перед различными реализациями фонемы /ѣ/ обычно произносятся мягкие согласные, перед реализациями /е/ — твердые согласные или согласные с более слабой степенью смягчения; перед реализациями /ѡ/ — сильно лабиализованные согласные, перед /о/ — согласные с низкой степенью лабиализации.

Подобный параллелизм отношений между аллофонами /ѣ/ и /ѡ/ существует только в говорах с последовательно проведенным семифонемным вокализмом (при отсутствии тенденции к разрушению системы дифтонгов), о чем свидетельствует симметричное распределение их вариантов. Например, в говоре жителей с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл. дифтонг [иѣ] в соответствии с /ѣ/ отмечается в 76% случаев, [ѡ] на месте /ѡ/ — в 72% случаев, такая же картина характерна и для говора жителей с. Истобного Репьёвского р-на Воронежской обл. (71% и 72% соответственно).

Тенденция к монофтонгизации в первую очередь затрагивает дифтонгические образования на месте /ѡ/, и лишь во вторую — на месте /ѣ/. Постепенное развитие этого процесса приводит к появлению ассиметричных систем вокализма, которые характеризуются статистически значимым преобладанием дифтонгов типа [иѣ] над дифтонгами типа [ѡ]. Так, в с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл. звукотип [иѣ] фиксируется в 68% случаев, тогда как [ѡ] — только в 39%, то есть практически в два раза реже, что указывает на деградацию архаической системы вокализма³⁸.

9. Проблема происхождения фонем /ѡ/ и /ѣ/, их артикуляционных особенностей и позднейших трансформаций в восточнославянских языковых ареалах рассматривалась во многих работах диалектологов и историков языка. В обобщенном виде многочисленные гипотезы, высказанные по этому вопросу, можно свести к двум основным реконструкциям. Первая реконструкция предполагает, что в древнерусском языке фонема /ѣ/, а также фонема /ѡ/, вошедшая в систему позднее, реализовались гласными неоднородного тембра. Эта теория была выдвинута

хи, «когда в основном мягкость или твердость согласных зависела от гласных», к «эпохе, когда мягкость или твердость согласных стала независимой». *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 247.

³⁷ *Высотский С. С.* Определение состава гласных... С. 31.

³⁸ *Дьяченко С. В.* Наблюдения над ударным вокализмом трех архаических воронежских говоров // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. М., 2012. С. 37.

А. А. Шахматовым³⁹: «В весьма древнюю эпоху жизни русского языка имело место диалектологическое явление, по которому исконное *o* в положении под ударением за согласную переходило в дифтонг *uo*». В дальнейшем «утрата неслогового звука *u* вела к растяжению и сужению следующего *o*. Утверждает меня в таком предположении параллельное развитие *ie* — *e* в тех говорах, где известны *uo* — *o*; едва ли подлежит сомнению, что *ie* (из древнего *ъ*) древнее *e* (на месте *ъ*)»⁴⁰.

Теория А. А. Шахматова была развита в работах Н. Н. Дурново, который также считал, что «гласные *ъ* и *o* старое (не из *ъ*) под восходящим ударением ... звучали как гласные смешанной артикуляции, начинавшейся с верхнего подъема, или как дифтонги с гласной верхнего подъема в первой части», что подтверждается данными «архаических северновеликорусских и северномалорусских говоров»; неоднородность тембра гласного /*ъ*/ древнерусский язык унаследовал из праславянского⁴¹. Эту теорию разделяли также многие другие ученые, в частности С. М. Кульбакин, В. В. Виноградов, Л. П. Якубинский, Л. Л. Касаткин.

Другая реконструкция связана с именем А. М. Селищева⁴². Полемизируя с Н. Н. Дурново, А. М. Селищев писал: «Прежде чем отодвигать вологодские или северноукраинские, словацкие, сербохорватские *ie* в эпоху праславянскую, требуется дать ответ на вопрос: не появились ли того или иного вида *ie* данных групп в их отдельной жизни? Ведь *ie* в этих говорах может быть и вместо **e*, подвергнувшись удлинению и вместе с тем сужению *ē* ... Параллельно с этим происходила судьба *ō* : *ō* → *uō*...»⁴³; позднее эта гипотеза была поддержана К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаевым.

Материал архаических южнорусских говоров полностью подтверждает предположение А. А. Шахматова: фиксация в соответствии с /*ъ*/ и /*ω*/ однотипных звуковых комплексов в говорах различной локализации, по всей видимости, свидетельствует о дифтонгической природе этих гласных в древнерусском языке. В пользу этой гипотезы говорит также характер субституций фонемы /*ъ*/ в севернорусских, украинских и белорусских говорах: здесь отмечаются [i], [i], [e], [īe], [īē], [īē], [īē], [īē] и другие гласные образования, которые легко возводятся к дифтонгу **ie*⁴⁴.

³⁹ Впрочем, еще Ф. Ф. Фортунатов в «Лекциях по фонетике старославянского (церковнославянского) языка» писал о дифтонгическом характере *ъ* в общерусском языке. См.: *Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды*. М., 1957. Т. 2. С. 13–14.

⁴⁰ *Шахматов А. А. Дифтонги *uo* и *ie* в великорусских говорах // Вопросы языкознания*. 1964. № 5. С. 110–120 (работа А. А. Шахматова предназначалась к печатанию в кн. 4 «Известий ОРЯЗ» за 1912 г.).

⁴¹ *Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка*. М., 2000. С. 112, 179, 184–185.

⁴² О. Брок, обнаруживший дифтонги на месте *ъ* и *ω* в говоре с. Шуйского Тотемского уезда Вологодской губ., также считал, что сочетания [īē] и [uō] представляют собой дальнейшее развитие первоначальных однородных гласных [ē] и [ō], являются результатом «распадения» последних. *Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда [Сб. ОРЯЗ. Т. 83. № 4]. СПб., 1907. С. 31–32, 50–51.*

⁴³ *Селищев А. М. Избранные труды*. М., 1968. С. 175–176.

⁴⁴ Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005. С. 32–33; *Бевзенко С. П. Указ. соч.* С. 41–42; *Крывицкі А. А. Дыялекталогія беларускай мовы*. Мінск, 2003. С. 164–165, 184, 202–209, 212.

Полный структурный параллелизм основных дифтонгических реализаций фонем /ѣ/ и /ѡ/, обнаруживающийся как в тембральных характеристиках их частей (при возможной несимметричности последних фаз), так и в структуре распределения силы звука, подтверждает мнение о том, что фонема /ѡ/ появилась именно как задний коррелят фонемы /ѣ/ в результате развития тенденции к симметризации структуры древнерусской фонологической системы⁴⁵.

Ключевые слова: русская фонетика, диалектология, южнорусские говоры, системы ударного вокализма, фонемы /ѣ/ и /ѡ/.

PHONEMES /ѣ/ И /ѡ/ IN SOUTH RUSSIAN DIALECTS (INSTRUMENTAL PHONETIC STUDY)

D. M. SAVINOV

The paper shows that a tone glide which begins with a high vowel and changes to a mid vowel (with a gradual increase in intensity) should be regarded as a characteristic feature of the phonemes /ѣ/ and /ѡ/. A vowel system which consists of seven phonemes can only function with diphthongs [iē] and [uō], which are realised as the phonemes /ѣ/ and /ѡ/ respectively. These diphthongs manifest a completely parallel structure. Firstly, it explains the nature of the diphthongal /ѣ/ in South Russian dialects; secondly, it supports the view that the phoneme /ѡ/ appears to be a correlate of the phoneme /ѣ/, which is a result of the trend towards the symmetrisation of the Old Russian language phonological system. This basic similarity between the allophones /ѣ/ and /ѡ/ is only found in dialect systems with a phoneme set containing seven vowel phonemes. The tendency for diphthongs to turn into simple vowels primarily affects the diphthong [iē] and only secondarily the diphthong [uō]. The process of monophthongisation leads to the development of asymmetrical vowel systems which are characterised by a statistically significant dominance of the diphthong [iē] over the diphthong [uō].

Keywords: Russian phonetics, dialectology, South Russian dialects, stressed vocalism, phonemes /ѣ/ и /ѡ/.

Список литературы

1. Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
2. Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области. Т. 2. Воронеж, 2012.
3. Бевзенко С. П. Українська діалектологія. Київ, 1980.

⁴⁵ Журавлев В. К. Из истории вокализма в праславянском языке позднего периода // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 18; Попов М. Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004. С. 151.

4. *Бескровный А. М.* Из истории образования переходного украинско-русского диалекта в Воронежской области // *Мат-лы и исслед. по русской диалектологии*. Т. 2. М.–Л., 1949. С. 312-319.
5. *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда [Сб. ОРЯЗ. Т. 83. № 4]. СПб., 1907.
6. *Бромлей С. В.* Наблюдения над ударяемыми гласными при собирании материалов по «Программе» // *Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка*. Вып. 5. М.–Л., 1949. С. 22-51.
7. *Васильев Л. Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о происхождении звука *о* в великорусском наречии [Сб. по рус. языку и словесности. Т. 1. Вып. 2]. Л., 1929.
8. *Волкова Н. А.* Фонетика говоров Посемья. История и современное состояние. Череповец, 2003.
9. *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // *Очерки по фонетике севернорусских говоров*. М., 1967. С. 5-82.
10. *Высотский С. С.* Фонемный состав слова как основа для изучения звукового строя говора // *Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии* / Отв. ред. С. С. Высотский. М., 1977. С. 3-52.
11. *Галинская Е. А.* Историческая фонетика русских диалектов. М., 2002.
12. *Дурново Н. Н.* Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
13. *Дьяченко С. В.* Наблюдения над ударным вокализмом трех архаических воронежских говоров // *Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 27-28 октября 2012 г.* М., 2012. С. 36-40.
14. *Журавлев В. К.* Из истории вокализма в праславянском языке позднего периода // *Вопросы языкознания*. 1963. № 2. С. 8-19.
15. *Журавлев В. К.* Диахроническая фонология. М., 1986.
16. *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006.
17. *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
18. *Касаткина Р. Ф.* Южнорусское наречие. Новые данные // *Вопросы языкознания*. 2000. № 6. С. 98-109.
19. *Клейменова Е. С.* Говоры южной части Калужской обл. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
20. *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
21. *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
22. *Крывіцкі А. А.* Дыялекталогія беларускай мовы. Мінск, 2003.
23. *Листрова Ю. Т.* К изучению курско-орловского диалекта (говор с. Отскочного Дмитришевского р-на Липецкой обл.) // *Уч. зап. Кишиневского гос. пед. ин-та*. Т. 4 (серия гуманитар. наук). Кишинев, 1955. С. 197-208.
24. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
25. *Пауфошима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
26. *Півторак Г. П.* Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. Київ, 1988.
27. *Попов М. Б.* Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004.
28. *Русская диалектология* / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
29. *Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие* / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
30. *Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры* / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

31. *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.
32. *Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.
33. *Тер-Аванесова А. В.* Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. 3 (9) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 67-111.
34. *Тер-Аванесова А. В.* Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1 (3). С. 150-167.
35. *Фомина Т. Г.* К вопросу о качестве гласных фонем <е>, <о> в одном южнорусском говоре (на основе экспериментальных данных) // Мат-лы по русско-славянскому языкознанию / Науч. ред. В. И. Собинникова. Воронеж, 1982. С. 142-149.
36. *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. 2. М., 1957.
37. *Шахматов А. А.* Дифтонги *yo* и *ѣe* в великорусских говорах // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 110-120.